

—

Наложница Лань совершенно не ожидала, что Се Чжуй выскажет возражения. По её мнению, она уже приняла решение, и сейчас лишь уведомляла Се Чжуя, чтобы он был готов принять нового человека в поместье, а не спрашивала его мнения.

Теперь, услышав такой решительный и непреклонный отказ Се Чжуя, лицо наложницы Лань изменилось.

Она злилась всё больше и больше, внезапно ударила по столу, встала и уставилась на Се Чжуя, её лицо пылало от гнева, а глаза были полны обиды: «Что ты говоришь? Ты не согласен? На каком основании ты не согласен?»

То ли рука болела от слишком сильного удара по столу, то ли её так сильно разозлило отношение Се Чжуя, но она ещё не успела закончить вопрос, как слёзы уже капали ручьём.

Она пристально смотрела на Се Чжуя, словно испытывала величайшую обиду во всём мире.

Се Чжуй не понимал, почему наложница Лань так любила плакать. Он бесстрастно смотрел, как она льёт слёзы.

На самом деле, Се Чжуй был довольно скучным человеком. Многие плакали перед ним, но он совершенно никак не реагировал.

Нельзя сказать, что у него каменное сердце. Главным образом, на границе он привык к смерти и видел слишком много расставаний и смертей. Когда на границе начиналась война, седовласые хоронили черноволосых, жены и дети разлучались, семьи разорялись, а солдаты умирали от тяжёлых ран на поле боя — всё это было обычным делом.

Бесчисленное количество людей из-за войны покидали свои родные места, и некоторые умирали на полпути.

Он когда-то проезжал на лошади мимо людей с опустошёнными глазами, но кроме пыли, он ничего не оставлял.

Люди часто говорили, что в ветре на границе спрятан плач умерших. Те, кто защищал границу, видели слишком много трагических событий и слышали слишком много скорбных и горестных рыданий, поэтому слёзы против него были самым бесполезным оружием.

Если бы это было возможно, он даже позволил бы наложнице Лань плакать перед ним столько,

сколько ей захочется.

Однако, подумав, что наложница Лань – мать Сяо Шаня и знатная особа из дворца, ради Сяо Шаня он не мог так поступить.

Поэтому, когда наложница Лань молча плакала, Се Чжуй чётко и ясно сказал: «Матушка-наложница, нет никаких оснований, я просто не хочу».

Наложница Лань от его слов ещё больше разозлилась, и гнев в её сердце никак не мог утихнуть. Она, плача, холодно усмехнулась: «Что, ты хочешь сказать, что Сяо Шаню нужно твоё согласие, чтобы взять младшую наложницу? Даже если ты сейчас по-прежнему великий генерал Северного региона, я не твоя подчинённая, и ты не можешь мне указывать. Ты не желаешь принимать младшую наложницу, так скажи, будучи Ван Цзюнь Ли, что ты ему дал, кроме ненужных слухов, из-за которых над ним смеются и насмеются? Какое унижение он претерпел, женившись на тебе?»

«Шань-эр достойный принц и князь, что плохого в том, чтобы взять одну или две младших наложницы? Одно только твоё последнее ревнивое слово уже является грехом».

Слушая эти пронзительные и даже убийственные слова наложницы Лань, лицо Се Чжуй даже не дрогнуло.

Когда наложница Лань выплеснула свой гнев, он продолжил: «Матушка-наложница ошибается, ваш сын не это имел в виду. Во-первых, ваш сын считает, что слухам нельзя верить. Ваш сын поступает правильно и честно, осмеливаясь противостоять тем, кто распространяет слухи, поэтому не боится их. Наоборот, те, кто распространяет слухи, должны бояться вашего сына. Во-вторых, Его Высочество когда-то сказал, что ваш сын, будучи Ван Цзюнем, должен в первую очередь руководствоваться его мыслями. То, о чем только что говорила матушка-наложница, князю совершенно неизвестно. Поэтому, простите вашего сына, но я не могу согласиться».

Лицо наложницы Лань было полно гнева и обиды, она стиснула зубы и сказала: «Не прикрывайся Шань-эром. Я его мать-наложница, неужели он посмеет не послушать меня?»

Се Чжуй бесстрастно и холодно ответил: «Простите, матушка-наложница, ваш сын не является самим князем, и не может отвечать за Его Высочество».

«Ты...» Наложница Лань покраснела от гнева: «Я и не знала, что ты такой красноречивый? Может, я раньше ошиблась в тебе?»

Се Чжуй: «Ваш сын всегда был таким, матушка-наложница мало общалась с вашим сыном, поэтому это нормально, что вы не знаете».

Наложница Лань: «...»

—

Когда Сяо Шань прибыл во дворец Цзинлань, наложница Лань горько плакала и продолжала допрашивать Се Чжуня: «Ты хочешь сказать, что если Шань-эр согласится, то и ты согласишься? В твоих глазах я, мать-наложница, вообще существую?»

А Се Чжунь стоял там прямо, не двигаясь.

Сяо Шань вошёл в зал. Наложница Лань рассказала о поступках Се Чжуня, а затем подвела итог: «Этот твой Ван Цзюнь действительно удивителен, на каждое моё слово он находит что ответить».

Сяо Шань взглянул на Се Чжуня, а затем серьёзно сказал: «Матушка-наложница, если он не найдёт что ответить на ваш вопрос, то он либо немой, либо не в своём уме. Разве Се Чжунь не хорош таким, каким он есть — не немой и не глупый?»

Наложница Лань: «...»

Через несколько мгновений она посмотрела на Сяо Шаня с обвинением и непониманием: «Ты с ним заодно, специально говоришь это, чтобы меня разозлить, не так ли? Разве я хочу навредить тебе, когда предлагаю взять младшую наложницу?»

Сяо Шань подумал про себя: «Ты мне не вредишь, просто мне не повезло наслаждаться такой жизнью в окружении женщин».

Он сам не хотел этого, был недоволен и не желал.

Думая так про себя, он вслух сказал: «Матушка-наложница, ваш сын знает о ваших добрых намерениях, но ваш сын уже отказался от этого у отца-императора, и отец-император также обещал вашему сыну больше не поднимать этот вопрос. Матушка-наложница, в будущем не спрашивайте Се Чжуня об этом. Если вы спросите его, он не сможет сказать ни да, ни нет. Разве это не ставит его в затруднительное положение?»

«Невозможно», — сказала наложница Лань, пытаясь сохранить невозмутимое выражение лица. Вчера вечером император явно долго думал и в итоге молча согласился. Как за одно утро всё так сильно изменилось?

Сяо Шань с бесстрашным видом сказал: «Матушка-наложница, если вы не верите, можете спросить отца-императора, ваш сын никогда не осмелится лгать». Максимум, он немного преувеличил смысл слов императора, что является обычным преувеличением и не может считаться ложью.

Наложница Лань подавилась. Она, конечно, не могла прямо спросить императора, почему он

нарушил свое слово.

Какой бы глупой она ни была, она бы не совершила такого.

Подумав о том, что император действительно мог изменить своё решение, настроение наложницы Лань мгновенно ухудшилось. Она никак не могла понять, почему среди такого множества красивых и утончённых людей во дворце и за его пределами Сяо Шань так особому относится к Се Чжую и повсюду его защищает.

Чем больше Сяо Шань так поступал, тем больше она недолюбливала Се Чжуй.

Конечно, если бы Сяо Шань полностью подчинился ей, она бы тоже не считала Се Чжуй приятным. Она и Се Чжуй были рождены несовместимыми.

И поскольку решение было принято, и он уже выразил свои мысли императору и получил временное молчаливое согласие, Сяо Шань действительно не хотел продолжать обсуждать этот вопрос с наложницей Лань, особенно в присутствии Се Чжуй.

Поэтому он сказал: «Матушка-наложница, уже поздно, ваш сын и Се Чжуй не будут оставаться на обед. Ваш сын и Се Чжуй прощаются».

Наложница Лань, конечно, не хотела так просто отпускать его. Она посмотрела на Сяо Шаня, собираясь что-то сказать, но увидела, как он беспомощно улыбнулся, его лицо выражало необычайную печаль и безысходность: «Матушка-наложница, вашего сына совершенно не волнует, что другие верят этим слухам и говорят гадости, но то, что матушка-наложница верит в них больше, чем кто-либо другой, действительно очень огорчает вашего сына».

Лицо наложницы Лань выразило удивление и панику: «Когда это я в это верила? Я так расстраиваюсь, когда слышу такое, что мне хочется, чтобы все, кто говорит такие вещи, были немymi».

Сяо Шань уныло сказал: «Матушка-наложница, если вы действительно не верите, то почему вы снова и снова поднимаете этот вопрос? Где же вы ставите честь вашего сына и Се Чжуй? Се Чжуй явно является жертвой слухов, почему матушка-наложница считает, что во всем виноват он? Если уж говорить о вине, то те, кто болтает всякую чушь, являются главными виновниками».

Наложница Лань: «Я не такая, я просто не хочу, чтобы ты терпел эти обиды».

Сяо Шань: «Но что касается слов посторонних, ваш сын совершенно не чувствует обиды, их слова равносильны пустому звуку. Если же близкие родственники так поступают, тогда ваш сын действительно чувствует обиду».

Внимание наложницы Лань отличалось от обычных людей. Услышав это, она серьёзно задумалась и пришла к необычному выводу: «Ты что, намекаешь, что твоя матушка-наложница суёт свой нос не в свои дела?»»

Наложница Лань, произнося эти слова, выглядела крайне обиженной.

Она так много думала о Сяо Шане, желая осыпать его всеми благами, а в итоге получила такой результат.

Она была зла, обижена и возмущена.

Сяо Шань опустил взгляд: «Ваш сын не осмеливается и не имеет в виду этого. Матушка-наложница, дело уже решено у отца-императора, ваш сын не хочет продолжать обсуждать этот вопрос. Ваш сын откланивается».

Се Чжуй также поклонился: «Ваш сын тоже откланивается».

Когда они оба ушли, наложница Лань, уткнувшись в кушетку, возмущённо сказала: «Это моя вина?»»

Стоящая рядом служанка Цуй Шу: «...»

Она не смела сказать, что это вина наложницы Лань, но и не могла сказать, что это вина Сяо Шаня. Она просто не могла понять, почему Сяо Шань не хочет брать младшую наложницу.

Взять младшую наложницу, в конце концов, не так уж и плохо. Император, само собой разумеется, имеет три дворца и шесть гаремов, а количество наложниц с титулами почти бесчисленно. В Восточном дворце, помимо главной супруги, есть также наложницы Лян Юань и Лян Ди. Сейчас Тайцзы Фэй беременна и не может прислуживать, поэтому она сама активно рекомендует этих людей, чтобы прислуживать наследному принцу. Когда Тайцзы Фэй родит маленького императорского внука, императрица даже отменит для тех людей отвары, предотвращающие беременность, чтобы обеспечить Восточному дворцу много детей и процветание.

Что касается старшего принца Сяо Жуна, то и говорить нечего, у него, можно сказать, толпы жён и наложниц. Иногда старший принц, чтобы заручиться поддержкой некоторых людей, даже специально женится на их дочерях.

Взятие младшей наложницы в конечном итоге было бы очень выгодно Сяо Шаню, по крайней мере, ему не пришлось бы каждый день смотреть на одно и то же лицо. Однако, с другой стороны, кто из женщин или герцов, выходя замуж, не мечтал о том, чтобы быть вместе всю жизнь?

Цуй Шу не думала, что станет свидетелем этого у непутёвого принца Сяо Шаня. Думая об этом, Цуй Шу была полна эмоций.

Слухи о том, что наложница Лань устраивает шумиху по поводу взятия Сяо Шанем младшей наложницы, быстро распространились по всему гарему.

Услышав это, наложница Сянь улыбнулась и сказала Биюй, старшей дворцовой служанке, сидевшей рядом с ней: «Старшая сестра наложница Лань так сильно любит своего сына, я бы очень хотела, чтобы её желание исполнилось. Однако, если не получится, это тоже не страшно».

Биюй всегда чувствовала, что в словах наложницы Сянь был скрытый смысл, но она не осмеливалась спрашивать. Наложница Сянь, естественно, не собиралась слишком много говорить ей. Она быстро приняла серьёзное выражение лица и приказала позвать евнуха, прислуживающего Сяо Сяню, желая узнать о его последних успехах в учёбе.

Наложница Сянь сейчас всем сердцем хотела, чтобы Сяо Сянь в учёбе мог привлечь внимание императора, поэтому она очень строго за этим следила.

Она также не боялась, что это вызовет подозрения у императрицы и наследного принца, ведь Сяо Сянь был ещё молод и уже имел немного больше благосклонности у императора, чем другие принцы. Теперь, если он немного преуспеет, это не будет чрезмерным.

В то время как наложница Сянь придерживалась такого отношения, во дворце наложницы Шу, матери четвёртого принца Сяо И, было гораздо спокойнее.

Наложница Шу была талантливой женщиной, в повседневной жизни она была поглощена поэзией, каллиграфией и живописью, а в свободное время жгла благовония и молилась Будде. Сяо И унаследовал её характер и был довольно отстранённым человеком, довольно равнодушно относился к борьбе за власть во дворце.

Когда императрица услышала эту новость, Лю Цзинъи также присутствовала.

Тайцзы Фэй сейчас находилась в критическом положении, и, по идее, ей не нужно было приходить на поклон. Императрица хотела, чтобы она благополучно родила маленького императорского внука, и не хотела, чтобы она лишний раз беспокоилась.

Лю Цзинъи же улыбнулась и сказала, что в последнее время ей стало намного лучше, и она больше не испытывает отвращения к еде, как раньше. К тому же, императорский лекарь Су велел ей больше двигаться. В другие места она не осмеливалась ходить, поэтому пришла сюда, к императрице, надеясь, что императрица не будет ей недовольна.

Иными словами, ни одно другое место не было таким безопасным, как здесь, у императрицы.

Императрица, услышав эти слова, расцвела от радости, и её сердце, израненное гневом наложницы Лань, значительно исцелилось.

Когда свекровь и невестка весело болтали, дворцовая служанка доложила о том, что наложница Лань хочет, чтобы Сяо Шань взял младшую наложницу.

У императрицы, как только она слышала о наложнице Лань, лицо тут же становилось не очень приятным.

Лю Цзинъи тихонько взглянула на неё дважды, поджала губы и ничего не сказала.

Императрица некоторое время помолчала, а затем спросила дворцовую служанку: «Император об этом знает?»

Дворцовая служанка ответила: «Эта служанка слышала от служанок из дворца Цзинлань, что наложница Лань вчера вечером уже говорила об этом с императором, и император согласился. Сегодня после утренней аудиенции император специально оставил князя Ли».

Императрица: «Наследный принц уже вернулся в Восточный дворец?»

Дворцовая служанка: «Наследный принц только что вернулся в Восточный дворец».

Императрица нахмурилась, махнула рукой, чтобы дворцовая служанка удалилась, а затем посмотрела на Лю Цзинъи и сказала: «Интересно, знает ли наследный принц об этом».

Лю Цзинъи поспешно встала и тихо сказала: «Матушка-императрица, Его Высочество наследный принц и князь Ли очень близки, даже если он услышит, он не обратит на это внимания. Если князь Ли действительно захочет взять младшую наложницу, Его Высочество наследный принц будет только рад за него».

Императрица вздохнула: «Я знаю характер наследного принца, он всегда предпочитает думать о хорошем. Ты Тайцзы Фэй, и иногда тебе следует его наставлять и убеждать».

Лю Цзинъи мягко ответила: «Матушка-императрица права. Однако...»

Императрица, видя её нерешительность, прямо сказала: «Однако что? Просто скажи прямо».

Лю Цзинъи вздохнула с облегчением, её лицо выражало некоторое затруднение: «Отвечая матушке-императрице, Его Высочество наследный принц гордый, и ему никогда не нравились мои слова утешения. Он лишь считает, что я — девушка, слишком чувствительная и склонная к излишним размышлениям».

Императрица с чувством сказала: «Именно поэтому тебе тем более нужно его утешать. Он находится в таком положении, сколько глаз за ним наблюдают? Если ты не поможешь ему оглядываться по сторонам, кто сможет ему помочь?»

Лю Цзинъи мягким голосом сказала: «Матушка-императрица, не беспокойтесь, я понимаю, что нужно делать».

Императрица удовлетворённо кивнула.

Лю Цзинъи ещё немного посидела с императрицей, а затем вернулась в Восточный дворец.

Она обменялась несколькими словами с Сяо Цзинем, а затем с улыбкой сказала: «Только что матушка-императрица спрашивала о наследном принце, говорит, знает ли наследный принц о намерении наложницы Лань, чтобы князь Ли взял младшую наложницу».

Сяо Цзинь взглянул на неё и спросил: «Что сказала матушка-императрица?»

Лю Цзинъи рассказала всё, что произошло и что сказала императрица, а затем добавила: «Матушка-императрица всегда просит меня убедить наследного принца, но это также моя вина, что я глупая. Я действительно не могу убедить».

На элегантном и красивом лице Сяо Цзиня появилось какое-то неопишное сложное выражение. Он тихо сказал: «Я понимаю, что имеете в виду матушка-императрица и ты, но я также понимаю мысли третьего брата».

Лю Цзинъи ничего не сказала, сохраняя изящный и утончённый вид. Сяо Цзинь сказал: «Я осмелюсь сказать, что третий брат точно не возьмёт младшую наложницу легко, а если и захочет, то заранее сообщит мне. Веришь ты этому или нет?»

Первой реакцией Лю Цзинъи было не 'верить или не верить', а скорее любопытство: «Почему Ваше Высочество так говорит?»

—

<http://bllate.org/book/14491/1282514>